

ДМИТРИЙ
ШЕРИХ

ИСТОРИЯ
ПЕТЕРБУРГА
НАИЗНАНКУ

заметки на полях
городских
летописей

Дмитрий Юрьевич Шерих
История Петербурга
наизнанку. Заметки на
полях городских летописей
Серия «Всё о Санкт-Петербурге»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707268

*Д.Ю. Шерих. История Петербурга наизнанку. Заметки на полях городских летописей: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-04927-8*

Аннотация

Волей энтузиастов-мечтателей, а иногда по заказу начальствующих лиц рождались красивые легенды, способные украсить собою летопись любой европейской столицы... Не минула сия участь и город на Неве. Его история буквально овеяна разного рода умыслами и небылицами. Многие эти фантазии уже ввелись в плоть и кровь истории Петербурга – и автор не рассчитывает, что его книга радикальным образом изменит ситуацию. Кто хочет верить в красивое и судьбоносное – тот будет верить и впредь. Да и создатели многих современных сочинений о петербургской старине слишком уж пренебрегают критическим взглядом на вещи, часто забывая непредвзято взглянуть на прошлое и настоящее. Такова реальность. Впрочем, грустить по

этому поводу автор не намерен. Почему? Да потому, что легенда – это интересно, занимательно, ярко и образно. Это краски, которых недостает строгим достоверным фактам, и они по-своему хороши. Иногда даже очень хороши. Важно только не забывать, что основная единица строения истории – это все-таки факт, и именно на факты опирается Дмитрий Шерих, развенчивая городские мифы.

Содержание

От автора	8
XVIII век	11
Петербург до Петербурга	11
С великим шумом парения крыл	19
Град Петров	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дмитрий Шерих История Петербурга наизнанку. Заметки на полях городских летописей

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

От автора

Любой уважающий себя петербуржец знает основные вехи городской истории. Без труда вспомнит, например, что город наш был основан 16 (27) мая 1703 года, что легендарный Домик Петра I возвели за три дня того же мая 1703 года. Прибавит, быть может, что строились первые царские хоромы силами солдат Семеновского полка.

Факты несомненные? Позвольте возразить.

Совсем не случайно герой «Записок из подполья» Федора Михайловича Достоевского назвал Петербург «самым отвлеченным и умышленным городом на всем земном шаре». Дело не только во внешнем облике северной столицы – хотя и в самом деле, как могли явиться среди северных болот средиземноморские колоннады и лоджии, классически широкие проспекты и барочные завитушки дворцов? Дело и в истории: петербургская летопись буквально овеяна разного рода умыслами, легендами и небылицами. И добро бы они не притворялись при этом чистой истиной, так нет же: в самых канонических страницах городской истории достает откровенных фантазий!

Три майских дня 1703 года? Эта информация – родом из рукописи XVIII столетия «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга». Кочуют эти сведения по книгам и учебникам уже многие десятилетия, только ведь цену руко-

писи сведущие историки определили со стопроцентной ясностью. Чистейший вымысел, созданный одним из младших современников Петра I. А это значит, что реальные обстоятельства появления Домика никому не известны.

Вот это и есть факт.

Один лишь пример, но весьма красноречивый.

Петербург весь как мираж, как игра воображения. Чувствовал это и Александр Александрович Блок, много позже Достоевского обращаясь к Петербургу: «О, город мой неуловимый, зачем над бездной ты возник?..»

Вот и идея этой книжки: прошерстить ключевые моменты истории Санкт-Петербурга, внести в них необходимые поправки. Речь пойдет не только о временах старинных. Посетите памятник Героическим защитникам Ленинграда на площади Победы: там по краям «разорванного кольца» бронзой обозначены слова «900 дней» и «900 ночей». В учебниках тоже можно прочесть про героические девятьсот дней блокады. Однако оборона города от фашистских захватчиков длилась на 28 дней меньше, и эта разница вовсе не мелочь. Месяц в условиях войны – разве мелочь?

Некоторые заблуждения и допущения, по которым мы пройдемся в этой книжке, укрепились в сознании горожан под видом несомненных фактов и кочуют по страницам книг и статей. А есть и такие, что числятся по разряду откровенных баек, но и с ними не все просто: кто-то в истинность этих легенд верит доныне. Уже сколько опровергали анек-

дот о «царском пальце» на железной дороге из Петербурга в Москву, а все равно в литературе нет-нет, да всплывет этот «факт»!

XVIII век

Петербург до Петербурга На пустынном ли месте построили город?

Две многократно опровергнутых легенды никак не хотят умирать. Первая – о том, что город наш Санкт-Петербург был построен на пустом месте. Вторая – что финны («чухонцы») со шведами были исконными жителями этих мест.

В бытовании этих легенд отчасти повинен Александр Сергеевич Пушкин. Не случайно именно на его поэму «Медный всадник» ссылаются поклонники легенды номер один: если уж в ней сказано, что «на берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн», значит, так и было.

В укор этим поклонникам: вообще-то «Медный всадник» поддерживает скорее легенду номер два. Потому что вскоре после первых строк Пушкин сообщает нам другое: «по мшистым, топким берегам чернели избы здесь и там, приют убогого чухонца». И никакого противоречия между двумя поэтическими образами нет. Если вдуматься, вначале Пушкин говорит о пустынной реке, на которой виднеется лишь одинокий «утлый челн», а во втором – уже о невских берегах.

Читайте, как говорится, первоисточники.

Но что же с легендами?

Первую можно отвергнуть с ходу: петербургские земли до возникновения города не были пустыми. Известны мельчайшие детали жизни местных аборигенов, красноречиво рисующие образ их жизни. Вот лишь один эпизод. Жил на левом берегу Невы шведский майор Эрих Берндт фон Коноу, и управлял его имением некий Олоф Иоханссон – человек весьма жестокосердный. Под его горячую руку попал русский крестьянин, записанный в документах как Сава Онтрей (а на деле, очевидно, Савва Андреев) – и этот конфликт оказался запечатлен в судебных документах допетровского времени. Вот что рассказывала жена рыбака Эриния (очевидно, Ирина):

«Когда 29 мая 1697 года Онтрей вернулся с рыбалки, на берегу его поджидал управляющий имением Олоф, чтобы взять с улова причитающуюся усадьбе Конова долю. Онтрей сказал: „Конечно, с нас сдирают налог на рыбу, но может ли какая-нибудь рыбешка попасть в кастрюлю хозяина?“ Управляющий ответил: „Что за счетовода ты, каналья, из себя изображаешь?“, и ударил Онтрея веслом по плечу и дважды по телу так, что сломал ему ребро. Онтрей упал в лодку. В следующий четверг Олоф пришел к нему взять положенное. Онтрей лежал на скамье, и Олоф спросил его: „Почему валяешься, почему не рыбачишь вместе с другими?“. Онтрей ответил: „Я сыт по горло тем, как ты избил меня в суббо-

ту“. Управляющий разъярился, стал бить рукояткой хлыста по лицу и глазам Онтрея, пинать его ногами. Онтрей умолял о пощаде, но Олоф продолжал избиение. Онтрей произнес: „Хватит уже, хватит уже“, на что Олоф ответил: „Для меня жизнь такого бандита не дороже куриной головы“, после чего покинул дом, уведя за неуплату налога двух коров из коровника. В тот же вечер Онтрей испустил дух».

Дело дошло до суда, находившегося тогда в городе Ниен рядом с Ниеншанцем, и рассматривалось на протяжении двух лет. Далеко не все свидетели смогли явиться в суд: некоторые умерли от голода, другие покинули невские берега. Выяснилось, что жил Савва Андреев небогато, выловленную рыбу менял на зерно, которое смешивал с сосновой корой и корешками мха и пек из такой смеси хлеб. Управляющего Олофа некоторое время держали под стражей, но потом выпустили, и летом 1698 года он избил Ирину прямо на дороге в Аухтуа (современное Автово). Этот инцидент сказался на приговоре, который был вынесен в октябре 1699 года и оказался весьма своеобразным. С одной стороны, суд поверил в клятву Иоханссона, что Андреев умер не от его руки, и обвинение в убийстве снял. С другой стороны, за избиение вдовы Олофа был приговорен к отсечению правой руки.

Надо думать, руку ему отсекали без отлагательства.

До основания Петербурга тогда оставалось меньше четырех лет.

История Саввы Андреева позволяет в красках предста-

вить себе жизнь Петербурга до Петербурга. Типичная картина времен феодализма: небольшая прослойка правящего класса и нищее большинство. Скажем, усадьба майора Эриха Берндта фон Коноу, именовавшаяся Usaditza или же Usadiss hoff, включала в себя обширную территорию по левому берегу Невы с домиком и зеленым садом «в голландском вкусе». Надо думать, швед вовсе не бедствовал. А вот подданные его жили в среднем так же, как Савва: перед основанием Петербурга в этих землях воцарилась настоящая бедность. Неурожайные годы, мор скота привели к тому, что в 1697–1699 годах люди массово умирали от голода, нищие бродили по деревням, а кражи продовольствия стали особенно часты. Не случайно в 1698 году среди 185 дел, рассмотренных в суде города Ниен, 30 касались краж. Воровали рыбу, мясо, муку, зерно, соль, сахар, жир, масло...

Но что же насчет второй нашей легенды – об исконных обитателях приневских земель? Здесь история, приключившаяся на землях майора Коноу, тоже подсказывает верный ответ. Usaditza, Usadiss hoff: не правда ли, русское ухо чувствует в этих названиях родные корни? Чувство вполне справедливое: известно, что еще на рубеже XV и XVI веков здесь находилась русская деревня Усадица (Усадище), которая и дала имя усадьбе.

Русские и шведы с давних пор конкурировали за местные земли. Александр Ярославич в 1240 году отстаивал Неву от шведских войск, за что и стал Невским; были громкие сра-

жения и позже. Известно также, что летом 1300 года Нева принадлежала Новгороду, но вторгшиеся шведы соорудили в устье Охты крепость Ландскрона. Годом позже новгородцы собрали большое войско и после осады разрушили цитадель. В том же XIV веке здесь появилось русское поселение – сельцо «на усть Охты», которое дало начало Невскому городку с гостиным двором, церковью и таможней...

Приневские земли не раз переходили из рук в руки. Известно, что в 1582 году московские дьяки не смогли выполнить перепись здешних земель, ибо «стояли под Орешком и под Ладогою немецкие люди». В 1611 году, чувствуя себя уже здесь хозяевами, шведы построили на месте Невского городка свою крепость Ньюенсканс, она же Ниеншанц. Шестью годами позже был заключен Столбовской мир, согласно которому приневские земли, получившие название Ингерманландии, официально отошли к шведам – и это при том, что доля русского населения составляла здесь еще до двух третей. Этим русским пришлось нелегко, что подтверждает не только судьбина Саввы Андреева: власти старались вытеснить православие лютеранством, раздать земли новых хозяевам, и в конце концов доля русских в Приневье упала до ничтожных пяти-шести процентов.

Шведская карта места, где будет основан Петербург. 1700 год

Так что и вправду перед основанием Петербурга здесь жили преимущественно финны с шведами, только вот какой ценой это было достигнуто...

Подытоживая тему, можно набросать перечень некоторых значимых поселений на нынешних петербургских землях, стоявших тут перед 1703 годом. Русское село Спасское, известное еще с 1505 года, находилось на левом берегу Невы в районе теперешнего Смольного; здесь имелась церковь Спаса Преображения, служившая оплотом православия в регионе. Осиновая деревня, она же Хаапаси, находилась на ле-

вом берегу Невы в районе нынешнего Финляндского железнодорожного моста. Мийккула и Койвуси – близ теперешнего Володарского моста, первая на левом берегу реки, вторая на правом. Где находилось село Лахта (название которой известно с 1500 года), петербуржцу объяснять вряд ли надо. И про Аухтуа тоже можно ничего не объяснять.

Не только Лахта с Автово дошли до нас как приметы допетровской жизни невских земель. Усадьба майора Коноу, с которой читатель уже знаком, дала начало Летнему саду. Сам Эрих Берндт с приближением русских войск бежал в Швецию, а Петр I в 1704 году повелел создать здесь свою резиденцию, и работы развернулись во всю ширь – с мелиорацией, посадкой новых деревьев и так далее. Возможно, в первое время царь использовал для проживания дом беглого майора.

Исследователи установили, что многие старые поселения и усадьбы легли в основу застройки новой столицы и ее пригородов. То же касается и дорог, которые превратились со временем в улицы и проспекты Петербурга. Известны даже конкретные примеры: к допетровским временам восходят Миллионная улица, Рубинштейна, Малоохтинский проспект, часть Лиговского проспекта, большая часть Шпалерной улицы. Есть и еще одна старая, шведских времен трасса: берег Невы у Пролетарского завода – улица Крупской – улица Салова – берег реки Волковки.

Вот, кстати, вилы в бок еще одному расхожему заблужде-

нию о том, что историческая часть нашего города – это, дескать, лишь самый его центр, Невский проспект с прилегающими ансамблями площадей, Стрелка Васильевского острова, Петропавловская крепость, Летний сад с Марсовым полем...

Нет, не только. Лахта, Автово, улица Крупской: вот места по-настоящему исторические. Даром, что в них не слишком и видны приметы былой жизни.

С великим шумом парения крыл Как проходила закладка Санкт-Петербурга?

В старинной рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга», которая хранится в нашей Публичной библиотеке (нынешней Российской национальной), закладка города описана подробнее. Почти что в красках, со свойственной XVIII столетию барочной пышностью. Царь Петр Алексеевич, как повествует документ, впервые посетил Заячий остров 14 мая, причем «усмотрел орла парящего, и шум от парения крыл его был слышен» – и тогда решил заложить на острове храм святых Петра и Павла. Уже на следующий день расчисткой острова занялись солдаты, а 16 мая в день Троицы, после литургии состоялся акт закладки.

Петр сам принялся копать ров с заступом в руках, и тогда «орел с великим шумом парения крыл от высоты опустился и парил над оным островом». Потом царь поставил в ров «четвероугольной ящик, высеченной из камня», в который вложил «ковчег золотой, в нем мощи святого апостола Андрея Первозванного», после его накрыл ящик каменной крышкой с вырезанными словами об основании «царствующего града Санктпетербурга». После двоекратной пушечной пальбы царь продолжил свои труды.

«Изволил размерить, где быть воротами, велел пробить в землю две дыры и, вырубив две березы тонкие, но длинные, и вершины тех берез свертев, а концы поставлял в пробитые дыры в землю на подобие ворот. И когда первую березу в землю утвердил, а другую поставлял, тогда орел, опустясь от высоты, сел на оных воротах; ефрейтором Одинцовым оной орел с ворот снят.

Царское величество о сем добром предзнаменовании весьма был обрадован; у орла перевязав ноги платком и надев на руку перчатку, изволил посадить у себя на руку, и повелел петь литию. По литии и окроплении ворот святою водою была третичная из пушек пальба, и изволил выйти в оные ворота держа орла на руке...»

Оный орел, сообщает нам летописец, после всего случившегося некоторое время обитал «во дворце», а после постройки на острове Котлин крепости святого Александра был «в оной Александровой крепости отдан на гобвахту с наречением орлу комендантского звания».

Вот так чудесно явившийся над Заячьим островом орел освятил своим присутствием основание северной столицы России. Символизм несомненный, особенно с учетом дня Троицы, она же Пятидесятница. В канонических «Деяниях святых апостолов» описано, что приключилось с учениками Иисуса Христа на пятидесятый день после его чудесного воскресения: «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они нахо-

дились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго».

Верующий человек XVIII столетия не мог не отметить: если в праздник Святой Троицы «орел с великим шумом парения крыл от высоты опустился», это явным образом свидетельствует о небесном покровительстве сему северному граду.

Г.С. Мусукийский. Портрет Петра I на фоне Петропавловской крепости и Троицкой площади. 1727 год

Сведущий читатель догадывается, однако, куда повернет

наш рассказ. Дело в том, что историки уже давно разглядели в старинной рукописи червоточины. Изучали ее внимательно, все ж таки единственное документальное свидетельство о закладке северной столицы – и не могли не задаться некоторыми вопросами. Допустим, еще в историю с орлом с натяжкой поверить можно, хотя в здешние края орлы залетают нечасто (автор подстраховался на сей счет, сообщив о судьбе орла до 1703 года: «Сказывали, будто оной орел был ручной, а житье ево было на острове, на котором ныне город Санкт-петербург; выгружались по берегам реки Невы маштовые и брусовые королевские леса и караульными салдаты тех лесов оной орел приучен был к рукам»).

Допустим. Но как быть с мощами Андрея Первозванного, соткавшимися словно бы из воздуха в нужное время в нужном месте? Как быть с каменным «ящиком» и вырезанной на нем пространной надписью? Не верится, что камнерезы состояли в штате петровской гвардии. И еще: в надписи речь идет об основании «царствующего града», хотя закладывалась тогда крепость, что красноречиво подтверждается всеми достоверными документами. Только осенью 1704 года Петр впервые – в письме к Меншикову – назовет Петербург столицей, но и это еще не будет официальное придание городу нового статуса. Столицей Петербург станет году к 1712-му, не раньше...

В общем, слишком уж красивое получилось «сочинение на тему».

Историки долго пытались выяснить, в чем же причины такой красоты. Выяснили. Два доктора исторических наук Сергей Алексеевич Мезин и Павел Александрович Кротов независимо друг от друга сумели установить: рукопись принадлежит перу известного литератора XVIII столетия Петра Никифоровича Крекшина. В Петербурге тот обосновался в 1712 году, лет двадцати от роду, прожил здесь больше полувека и зарекомендовал себя как человек горячий и увлекающийся. Собирал манускрипты и старинные издания, сам пробовал силы на поприще исторических сочинений – и писал их, как умел и как считал нужным. Составленные им жизнеописания Петра Великого полны фантазий. Известен эпизод из Полтавской баталии, который доньше попадает в школьные учебники и солидные ученые труды: в переломный момент битвы Петр лично повел в атаку второй батальон Новгородского полка, после чего шведы смешались и наступил перелом. В действительности такого эпизода не было, он впервые введен в оборот Крекшиным.

Не было и такой эффектной закладки Петербурга.

Но что же тогда было? Какие сведения о закладке нашего города можно считать достоверными? Присутствовал ли, наконец, при закладке царь Петр – а то ведь и на этот счет существуют разные мнения...

Существуют.

Часть историков считает, что царя при закладке не было. Одна из основ их убежденности – запись в походном «Юр-

нале» бомбардирской роты Преображенского полка, капитаном которой был царь. В нем зафиксированы перемещения Петра в мае 1703-го: 11 числа царь отправился в Шлиссельбург «сухим путем», потом «на яхте гулял на озере», 14 мая «приехал на Сяское устье» и задержался там ненадолго. «В 16-й день, в неделю пятидесятницы, пошли» – и на следующий день «приехали на Лодейную пристань». Никакого основания Петербурга!

А вот как суммирует мнение этой части историков в своей широко известной книге «Основание Петербурга» профессор Владимир Васильевич Мавродин: «В день закладки крепости – 16 мая – Петра не было на Заячьем острове: 11 мая царь уехал в Лодейное Поле, откуда вернулся в Шлотбург лишь 20 мая. Фактически закладку крепости на Заячьем острове... вел не Петр, а его „друг сердешный“ А.Д. Меншиков».

Есть и еще один документ – «Юрнал о взятии крепости Новых Канец», напечатанный в 1713 году в «Книге Марсовой». Это издание готовилось при активном участии самого Петра, собственноручно вносявшего в корректурные оттиски правку – и если не верить такому источнику, то чему же еще верить? Новые Канцы, позволю себе пояснить, это Ниеншанц. И вот в этом тексте сказано: «Господин Капитан бомбардирской изволил осматривать близ к морю удобного места для здания новой фортеции. И потом в скором времени изволил обыскать единый остров зело удобный поло-

жением места, на котором вскоре, а именно, Мая 16 день в неделю пятидесятницы фортецию заложили, и нарекли имя оной Санктпетербург».

Иными словами, место для крепости Петр подыскал самолично, а вот дальше крепость «заложили» и «нарекли». Безличные глаголы – еще одно подтверждение отсутствию Петра на невских берегах 16 мая.

Но это все – на одной чаше весов, а есть и другая. Целый ряд историков убежден, что Петр все-таки был в тот майский день 1703 года на Заячьем острове. Никак не мог не присутствовать. Этой позиции придерживались классики петербургского краеведения Петр Николаевич Петров и Иван Николаевич Боженянов, ее придерживаются и составители недавно изданной фундаментальной энциклопедии «Санкт-Петербург»: «Закладка земляной крепости по плану, составленному Петром I, состоялась 16(27).5.1703 в присутствии царя – эта дата считается днем рождения Санкт-Петербурга».

К тому же склоняется и выпущенная в 2003 году солидная историко-церковная энциклопедия «Святыни Петербурга» Виктора Васильевича Антонова и Александра Валерьевича Кобака. Что примечательно, уважаемые историки повторяют близко к тексту рукопись Крекшина – и хотя именуют сюжет про Петра с орлом красивой легендой, иных вариантов развития событий 16 мая 1703 года не предлагают.

Попытку разобраться в вопросе поглубже предпринял ны-

не уже покойный журналист и историк Александр Матвеевич Шарымов. Он долгие годы исследовал раннюю историю Петербурга, и в конце концов пришел к выводу: несмотря ни на что, верить рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга» в общих чертах можно. Пусть ее автор и приукрасил ход событий, в главном он против истины не погрешил. Петр, по убеждению Шарымова, действительно участвовал в столь важной для него процедуре закладке новой крепости в устье Невы. Походный «Юрнал»? Но этот документ составлялся небрежно и весьма расплывчато, фиксировал перемещения не столько Петра, сколько всей бомбардирской роты, а потому стопроцентным доказательством служить не может. «Книга Марсова»? Но в ней ведь тоже прямо не сказано, что Петра не было.

Зато существует письмо Петра I фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву, отправленное 13 мая 1703 года из Шлиссельбурга в Шлотбург (бывший Ниеншанц), и там черным по белому написано: «Я сам буду завтра к вам». Повод к поездке был весомый: Петр хотел проститься с утонувшим в Неве каптенармусом бомбардирской роты Алексеем Петелиным, причем инструкции давал чрезвычайно подробные: «Извольте его отпеть (а ради духу на ночь вели лекарю разрезать, чтоб мокрота вытекла), и могилу выкопать, а забивать и хоронить не извольте».

Завтра – это 14 мая, и получается, что царь отправился вовсе не на Сясь, а в устье Невы, где намеревался лично про-

ститься с покойным. И он вполне мог задержаться здесь еще на пару дней.

Правдоподобно? Убедительно? Вполне.

Хотя и это доказательство за стопроцентное принять нельзя. Мало ли что планировал Петр 13 мая 1703 года – а на завтра мог ведь передумать, да отправиться совсем в другом направлении. В том самом, о котором сообщает походный «Юрнал». Все ж таки дела государственные поважнее, чем похороны каптенармуса бомбардирской роты, да и степень близости покойного к царю преувеличивать не стоило бы.

Так кто же в итоге прав?

Взвешивая все за и против, я все-таки думаю, что Петр не присутствовал при закладке крепости на Заячьем острове. Иначе этот факт стал бы известен нам не только из сомнительного опуса Крекшина. Отмечу еще, что журналист Шарымов, заступаясь за любезную ему рукопись, ошибался в датировке: думал, что она создана в конце 1720-х годов по горячим следам событий, тогда как на самом деле она родилась десятилетиями позже. Как доказали современные ученые.

Так что единственное, в чем нет сомнений – так это в том, что город наш был заложен 16 (27) мая 1703 года и место для крепости выбрал лично царь Петр. Спасибо «Книге Марсовой». Мелочь, но все-таки.

А вот со всем остальным – увы, полный туман.

Град Петров

Когда и в чью честь получил город свое имя?

Начнем с первого вопроса: когда?

Знакомая уже нам энциклопедия «Санкт-Петербург» сообщает обтекаемо:

«К окт. 1703 крепость, названная Санкт-Питер-Бурх (от голл. Sankt-Peters Burch – крепость Св. Петра), была построена под рук. А. Д. Меншикова силами солдат. 29.6.1703 в крепости заложена ц. Св. апостолов Петра и Павла (отсюда – Петропавловская крепость), а назв. СПб. распространилось на город, начавший складываться из слобод, населенных занятыми на стр-ве солдатами и крестьянами».

Мы уже знаем, что верить энциклопедии следует с осторожностью, но все-таки отметим в памяти пассаж насчет крепости и ее перешедшего на город названия. А вот что с датой? Темнит энциклопедия, точных чисел не называет...

А вот еще один знакомый нам источник – «Юрнал о взятии крепости Новых Канец» – как нельзя более конкретен: «Мая в 16 день в неделю пятьдесятницы фортецию заложили, и нарекли имя оной Санкт Питербурх». Если помнить, что печатался «Юрнал» под смотрением самого державного основателя, это свидетельство можно принять всерьез. Прав-

да, другое тогда непонятно: почему же в первые недели строительства новой крепости она никем и никогда не титуловалась по имени? «Новопостроенная» – и все тут. Письма самого Петра, отправленные из этой местности, помечались «из Шлотбурха», то бишь Ниеншанца. Только 1 июля 1703 петровское послание Федору Матвеевичу Апраксину помечено по-новому: «из Санктпитебурха».

А 18 июля уже «Ведомости московские» упоминают о новой крепости, впервые печатно сообщая ее имя: «Из новыя крепости Питербурга, пишут, что нынешнего июля в 7 день, Господин генерал Чамберс с четырьмя полками конных, да с двоямя пеших, ходили на генерала Крониорта...»

Итак, к июлю Санкт-Петербург стал Санкт-Петербургом. Но когда же конкретно состоялось наречение? Перебирая источники, находим вероятный ответ на этот вопрос в письме фельдмаршала Федора Алексеевича Головина Павлу Готовцеву, отправленном 16 июля: «Сей город новостроющийся назван в самый Петров день, – Петрополь, и уже оногo едва не с половину состроили».

Петров день! Тот самый упомянутый энциклопедией день 29 июня, когда царь праздновал свои именины, а в 1703 году – известно достоверно – в стенах новопостроенной крепости состоялось празднество с участием духовенства, придворных и военных чинов. Своего рода освящение северной твердыни. Очевидно, именно в ходе этого торжества крепость была официально крещена. И не стоит слишком глу-

боко задумываться над тем, почему Головин назвал город Петрополем, а не Петербургом. В 1703 году имя крепости вообще не установилось твердо, и оба этих варианта были в ходу – и Санкт-Петербург (также Санктпетербург, Санкт-Питер-Бурх, Санктпитербурх, Санкт-Петербурх), и Петрополь (также Питерпол, S. Петрополис). Греческое имя можно встретить в документах за июль, август, октябрь 1703 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.